

А.В. ГРИНЁВ

ВНЕШНЯЯ УГРОЗА РУССКОЙ АМЕРИКЕ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

“Русской Америкой” принято называть бывшие российские колонии в Новом Свете – территорию современного штата Аляска, а также маленький русский анклав в Калифорнии – Форт-Росс, существовавший там в 1812–1841 гг. По мнению многих специалистов, одной из главных причин продажи Русской Америки США в 1867 г. стала внешняя угроза. Так, в четырехтомной “Истории США” академик А.А. Фурсенко писал: “В 1867 г. царское правительство продало Аляску США. Это было логическим результатом ослабления самодержавия, его неспособности оборонять свои отдаленные владения на Американском континенте и эффективно управлять ими”¹. Ему вторит академик Н.Н. Болховитинов: “Гораздо большее значение при решении судьбы Аляски имела внешняя угроза, и в первую очередь экспансия Соединенных Штатов”. Правда, затем он пришел к весьма противоречивым выводам: “Тем не менее даже эта опасность не представляется решающей. Дело в том, что внешняя угроза русским владениям в Северной Америке существовала на протяжении многих лет. Особенно острой она была в годы Крымской войны со стороны Англии, а также со стороны США, позиции которых на Тихоокеанском севере всё более укреплялись. Вместе с тем именно в 60-х годах эта угроза несколько ослабла”². И далее в заключении Н.Н. Болховитинов указывал: “Важной, однако также не решающей причиной оставалась внешняя угроза, беззащитность колоний в случае войны. И хотя в то время экспансия США была скорее *потенциальной*, чем *реальной*, она, несомненно, учитывалась (записки вел. кн. Константина, А.М. Горчакова, Э.А. Стекла и др.)” (курсив автора)³. О значении внешней угрозы российским колониям в Америке писали и другие отечественные и зарубежные авторы⁴, а в официальных российских документах, связанных с продажей колоний, этот фактор выделялся как решающий⁵. Вместе с тем в последнее время было высказано мнение, что внешнюю

---

¹ *Гринёв Андрей Вальтерович* – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского Государственного политехнического университета.

Фурсенко А.А. Гражданская война и Реконструкция. – История США, т. 1. 1607–1877. М., 1983, с. 505.

² *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. М., 1990, с. 201–202.

³ Там же, с. 316.

⁴ *Крушанов А.И., Сем Ю.А., Стрюченко И.Г.* Экономическое развитие Дальнего Востока в XVIII – первой половине XIX в. – История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1991, с. 126; *Алексеева Е.В.* Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург, 1998, с. 81; *Ушаков В.А., Арсанукаева Н.В.* “Аляскинская проблема” в отечественной историографии (краткий обзор). – Русское открытие Америки. Сборник статей, посвященный 70-летию академика Николая Николаевича Болховитинова. М., 2002, с. 468–470; *Nashke C.-M., Slotnick H.E.* Alaska: A History of the 49th State. Norman, Oklahoma, 1987, p. 61, 275; *Vinkovetsky I.* Russian America: An Overseas Colony of Continental Empire, 1804–1867. Oxford, 2011, p. 183 и др.

⁵ См.: Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1841–1867: Сб. док. М., 2010, с. 315–316, 320–321, 397–399; *Miller D.H.* The Alaska Treaty. Kingston, Ontario,

угрозу (т.е. опасность иностранной военной экспансии) следует признать несостоятельной⁶.

Попробуем более детально разобраться в этой проблеме. Заодно ответим на вопросы: существовала ли внешняя угроза российским колониям на протяжении многих лет; насколько она была велика накануне продажи Аляски США; была ли Русская Америка действительно совершенно беззащитна в военном отношении?

Российские колонии начали формироваться с 1784 г., когда рыльский купец Г.И. Шелихов основал на крупном острове Кадьяк у берегов Южной Аляски первое постоянное русское поселение в Америке, хотя сама Аляска была открыта в результате экспедиций 1732 и 1741–1742 гг., а в 1766 г. шесть западных Алеутских островов присоединены к Российской империи по указу Екатерины II⁷. Главным экономическим стимулом колонизации Америки была добыча ценной пушнины для последующей продажи в Китае и России.

Естественно, что продвижение русских в Новый Свет не осталось незамеченным со стороны других европейских держав, в первую очередь Испании, претендовавшей на всё западное побережье Америки от Огненной Земли до Берингова пролива⁸. В июне-августе 1788 г. испанский корвет “Принцесса” под командованием Э.Х. Мартинеса и пакетбот “Сан-Карлос” (капитан – штурман Г.Л. де Аро) побывали в заливе Кука, на Кадьяке и Уналашке, где располагались русские поселения⁹. Несмотря на дружеские контакты, испанцы и русские в равной степени считали, что территории и острова Северо-Западной Америки входят в сферу владений их государств. Так, испанцы, находясь в заливе Кука, раздавали кенайцам (индейцам танаина) серебряные медали и “открытые листы”, после чего, как доносил в Петербург иркутский генерал-губернатор И.А. Пиль, “кенайцы, обольстясь, как видно, делаемым от иностранных [мореплавателей] посещением, отважились на истребление российских промышленных”, убив 10 “шелиховцев” и 4 промышленников компании П.С. Лебедева-Ласточкина¹⁰.

Однако опасность вражеского нападения нависла над российскими владениями в Америке не со стороны Испании, а Швеции во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. В ее начале свои услуги в качестве капера предложил шведской короне английский предприниматель, капитан 16-пушечного брига “Меркьюри” (“Меркурий”) Дж. Г. Кокс. Он пообещал шведам разорить русские поселения по берегам Америки и Азии. Получив королевский патент и переименовав свой корабль в честь шведского короля в “Густаф III”, Кокс уже в конце октября 1789 г. подошел к о. Уналашка, где находилось несколько артелей русских промышленников, добывавших на Алеутских островах пушнину. Они ничего не знали о войне, разразившейся в Европе, и без опаски контактировали с Коксом и его командой. Англичанин не стал предпринимать против них никаких враждебных действий и обходился с ними вполне дружески, после чего ушел на юг¹¹.

1981, р. 38, 59–62.

⁶ Гринёв А.В. Великий князь Константин Николаевич и продажа Аляски (к 175-летнему юбилею великого князя Константина Николаевича). – Петербургская историческая школа. СПб., 2004, вып. 3, с. 172–173; *его же*. Российский политаризм как главная причина продажи Аляски. – Acta Slavica Iaponica, 2006, т. XXIII, р. 185–188; Миронов И.Б. Роковая сделка: как продавали Аляску. М., 2007, с. 196–198.

⁷ ПСЗРИ. СПб., 1830, т. XVII, с. 603–604.

⁸ См.: Альперович М.С. Завершение испанской колонизации Америки в XVIII в. – Новая и новейшая история, 1993, № 5, с. 53–63; История Русской Америки (1732–1767), т. 1. Основание Русской Америки (1732–1799). Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М., 1997, с. 287–293; Cook W.L. Flood Tide of Empire: Spain and Pacific Northwest, 1543–1819. New Haven – London, 1973 и др.

⁹ Альперович М.С. Россия и Новый свет (последняя треть XVIII века). М., 1993, с. 143–144; Olson W.M. Through Spanish Eyes: Spanish Voyages to Alaska, 1774–1792. Juno, Alaska, 2002. р. 212–235.

¹⁰ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948, с. 107.

¹¹ Mortimer G. Observations & Remarks Made During a Voyage ... in the Brig Mercury, commanded by John Henry Cox, Esq. London, 1791, р. 58–63.

В декабре 1789 г. он посетил о. Сайпан, а 1 января 1790 г. зашел в Кантон (Гуанчжоу), где и скончался в 1791 г.

Русские власти с некоторым запозданием отреагировали на “шведско-английскую” угрозу. Генерал-губернатор И.А. Пиль, после получения известия о предполагаемом рейде Кокса на Тихоокеанский Север, 23 февраля 1790 г. предупредил главу морской правительственной экспедиции капитана 2-го ранга И.И. Биллинга об опасности. Вместе с тем в донесении императрице Екатерине II, Пиль сообщал, что предписывал Биллингу “дабы он, по мере силы и возможности своей, защищал себя и те заведения, которые у берегов пространного океана и Охотского моря подданными вашими устроены, от всякого нападения, прогоняя шведской капер ежели не мужественным образом, то по меньшей мере хотя благоразумными, но, однако ж, деятельнейшими способами”¹². Со своей стороны, осторожный Биллингс вовсе не рвался в бой и в собственном предписании своему помощнику Р.Р. Галлу от 5 июля 1791 г., рекомендовал во время следования на Алеутские о-ва “стараться, естли можно, уклонять себя от сражения, чем можете сохранить как целость людей, так и судно”¹³. Это было вполне разумной предосторожностью: вооруженный 20 легкими трехфунтовыми пушками флагманский шлюп экспедиции “Слава России” с недостаточно опытным экипажем вряд ли мог успешно сражаться с быстроходным шведским капером.

Таким образом, уже в 1789–1790 гг. перед российскими колониями впервые возникла реальная угроза внешней агрессии. Но им крупно повезло, поскольку если бы Кокс начал военные действия, последствия могли быть достаточно тяжелыми. Английский капитан, пользуясь преимуществом в артиллерии, скорости корабля и выучке экипажа, без особого труда сжег бы, потопил или захватил неповоротливые и слабо вооруженные боты и галиоты промышленников, а также разорил их небольшие поселения на берегах островов.

После ухода из этого региона шведского капера потенциальная угроза для российских владений в Америке не исчезла, так как Российская империя после Французской революции 1789 г. регулярно втягивалась в различные коалиции и войны, бушевавшие в Европе и переросшие в череду наполеоновских кампаний. Правда, опасность нападения французов на Русскую Америку была весьма маловероятна из-за фактического отсутствия их военного флота в акватории Тихого океана, а временные союзники французов – испанцы – были слабы и безынициативны. Когда 15 июля 1799 г. была объявлена война Испании, император Павел I специальным указом предписал Адмиралтейств-коллегии усилить военно-морские силы на Тихом океане, в частности, иметь в Охотске 3 фрегата и 3 малых военных судна. Для формирования их экипажей с Балтики была послана специальная команда во главе с капитан-лейтенантом И.Н. Бухариным. Он рапортовал президенту Адмиралтейств-коллегии от 28 января 1800 г., что нет никаких вестей о враждебных намерениях или действиях испанцев в Русской Америке: “Ни малейших сведений о появлении в тамошних морях неприятельских судов не имеется и ни малейших знаков к покушениям неприятеля на острова или порты в Камчатке не примечено”¹⁴. Подобное донесение Бухарин отправил в столицу и в следующем, 1801 г.¹⁵ В этом же году “символическая” война России с Испанией закончилась без каких-либо боевых действий¹⁶.

Тем не менее в самой Русской Америке были весьма обеспокоены объявлением войны Испании. Руководивший в то время российскими колониями на Аляске А.А. Ба-

---

¹² Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. М., 1989, с. 263–264, 361.

¹³ Там же, с. 290.

¹⁴ Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815. Сборник документов. М., 1994, с. 22, 245.

¹⁵ Там же, с. 30.

¹⁶ Пономарёв В.Н. Россия и Америка. – История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). М., 1998, с. 237.

ранов узнал от одного американского капитана, что Испания, будучи союзницей Франции, якобы собирается снарядить фрегат для разорения российских владений в Америке. К такому нападению колонии были явно не готовы: у русских не имелось ни боевых судов, ни орудий крупного калибра, ни достаточного количества пороха и ядер, ни обученных военному искусству людей¹⁷. Впрочем, и в колониях Испании объявление войны вызвало тревогу: испанцы всерьез опасались русского вторжения в Калифорнию¹⁸. Между тем взаимные страхи были напрасны: обе стороны не располагали достаточными морскими силами на Тихом океане, чтобы всерьез угрожать владениям друг друга.

Для укрепления российского владычества в Америке Павел I не ограничился указом об усилении флота на Тихом океане (указ из-за смерти императора так и не был выполнен). Другим шагом стало окончательное слияние под эгидой государства различных, часто враждовавших между собой купеческих компаний, которые вели промысел и торговлю на землях Нового Света, в единую монопольную Российско-Американскую компанию (РАК). Указ об этом император подписал 8(19) июля 1799 г. Сплоченная сильная организация позволяла царскому правительству эффективнее решать вопросы как собственной экспансии, так и противодействия иностранным конкурентам в северной части Тихого океана. Это заботило и представителей РАК, добивавшихся устранения зарубежных конкурентов в пушной торговле под прикрытием патриотической риторики.

Главным соперником России на Тихоокеанском Севере с конца XVIII в. считалась Англия. Вслед за третьей кругосветной экспедицией (1776–1780) знаменитого капитана Джеймса Кука, британские торговцы потянулись на Северо-Западное побережье Америки для вымена у местных индейцев ценных каланых шкур. Нередко они заплывали в воды Южной и Юго-Восточной Аляски. Сближение России с наполеоновской Францией к концу царствования Павла I могло спровоцировать англичан на враждебные действия против российских колоний. Однако последовавшее вскоре устранение императора при поддержке британского посланника в Петербурге и проанглийская ориентация нового царя Александра I на несколько лет отодвинули опасность столкновения с “владычицей морей”.

Серьезная угроза российским колониям со стороны Великобритании возникла несколько позднее, после заключения Александром I Тильзитского мира с Наполеоном в 1807 г., и оформлением франко-русского союза. Последовал разрыв дипломатических отношений между Россией и Англией и начало англо-русской морской войны, которая, правда, велась довольно вяло и не повлекла значительных потерь. В частности, направленный в Тихий океан в 1807 г. 22-пушечный военный шлюп “Диана” под командованием лейтенанта В.М. Головнина был задержан англичанами в южноафриканском порту Саймонстаун. Более года провели русские моряки в английском плену. Только в мае 1809 г. Головнин, воспользовавшись сильным ливнем с ветром, смог скрытно вывести шлюп из гавани в открытое море и продолжить свое путешествие в Тихий океан¹⁹. Зайдя на Камчатку, он затем отправился в Русскую Америку, где побывал летом 1810 г. в столице колоний – Ново-Архангельске на о. Ситха (Баранова). Здесь его визиту был очень рад главный правитель Русской Америки коллежский советник А.А. Баранов: он уже два года подряд ждал нападения английского рейдера и приход пусть небольшого русского военного корабля был для него весьма кстати. Известие о снаряжении английского капера в Кантоне специально для набега на колонии главный правитель получил от американских капитанов и от российского посланника в США А.Я. Дашкова. Однако

---

¹⁷ *Хлебников К.Т.* Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, Главного правителя Российских колоний в Америке. СПб., 1835, с. 64.

¹⁸ *Альперович М.С.* Россия и Новый свет, с. 210–213.

¹⁹ *Головнин В.М.* Сочинения. Путешествие на шлюпе “Диана” из Кронштадта в Камчатку, совершенное в 1807, 1808 и 1809 гг. В плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг. Путешествие вокруг света на шлюпе “Камчатка” в 1817, 1818 и 1819 гг. С приложением описания примечательнейших кораблекрушений, в разные времена претерпенных русскими мореплавателями. М. – Л., 1949, с. 58–86.

Головнин не собирался засиживаться в порту, несмотря на все увещевания Баранова и просьбы остаться с кораблем для защиты колоний хотя бы до 1 сентября. По мнению военного моряка, набег рейдера в связи с приближением осени был маловероятен, и он покинул Ново-Архангельск 5 августа 1810 г., взяв с собой на Камчатку груз пушнины, принадлежавшей РАК²⁰. К счастью, Головнин оказался прав: английский рейдер так и не появился. Последовавшее вслед за нашествием Наполеона России заключение военного союза с англичанами окончательно обезопасило российские колонии в Новом Свете.

Таким образом, Русской Америке повезло вторично: несмотря на разрыв отношений с Великобританией, англичане так и не выслали на Тихоокеанский Север военный корабль или хотя бы вооруженный капер. Вероятно, малочисленные российские колонии в Америке не привлекли серьезного внимания британского адмиралтейства, у которого и так хватало забот по охране обширнейшей колониальной империи и противодействию французскому флоту и его союзникам.

Вместе с тем англичане не замедлили в ходе англо-американской войны 1812–1815 гг. отправить военный шлюп и захватить американский Форт-Астория в 1813 г. на р. Колумбия²¹ к югу от русских колоний. Эта укрепленная фактория была основана служащими мехоторговой компании известного нью-йоркского предпринимателя Дж.Дж. Астора и названа в его честь. Сам же Астор мечтал об установлении своей торговой монополии на всем Северо-Западном побережье к югу от русских владений и намеревался договориться с Барановым о разделе сфер влияния²². В 1809 г. Астор направил в Ново-Архангельск судно с товарами под командой опытного шкипера Дж. Эббетса, давнего знакомого Баранова, с предложением развивать взаимовыгодные торговые связи. В то же время планы американского мехоторговца в отношении русских были небезупречны. Об этом свидетельствовала секретная инструкция Астора Эббетсу, случайно попавшая в руки капитана В.М. Головнина, также пришедшего в Ново-Архангельск в конце июня 1810 г. из Петропавловска. В инструкции Астор просил Эббетса собрать разведывательные данные о русских колониях в Америке, сведения о военном потенциале РАК на случай открытого столкновения с США и связях компании и А.А. Баранова с царским правительством²³.

Конечно, торговые корабли американцев не представляли серьезной угрозы для столицы Русской Америки, поскольку обычно это были небольшие бриги или бригантины (так называемые “американские шхуно-бриги”) с несколькими малокалиберными пушками и небольшим по численности экипажем. Поэтому купеческие корабли США могли стать серьезной силой, лишь объединившись в некое подобие “эскадры”. Но такое было маловероятно даже в условиях гипотетической войны, учитывая интересы конкретных судовладельцев, ставящих свой бизнес и частную прибыль превыше всего. Что же касается военного флота США, то в то время он был очень малочислен и имел мало крупных кораблей.

Сами американцы появились у берегов Юго-Восточной Аляски еще в середине 1790-х годов и вскоре практически вытеснили англичан из пушной торговли с местными индейцами. Именно они долгие годы оставались основными “поставщиками” европейских товаров и продовольствия для российских колоний. Снабжение этими предметами Русской Америки всегда было одной из наиболее трудных задач для руководства РАК.

---

²⁰ Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815, с. 210–211.

²¹ История внешней политики и дипломатии США. 1775–1877. Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М., 1994, с. 181.

²² Россия и США: становление отношений. 1765–1815. М., 1980, с. 379–380, 382–385; см. подробнее: *Болховитинов Н.Н.* Становление русско-американских отношений. 1775–1815. М., 1966, с. 440–465.

²³ Замечания В.М. Головнина о Камчатке и Русской Америке. – Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. СПб., 1861, вып. II, с. 75–76.

Поскольку суда из России приходили крайне редко и нерегулярно, главному правителю Русской Америки поневоле приходилось расширять закупки продуктов и товаров у иностранных торговцев и в первую очередь у американцев²⁴. Через них же он получал свежие новости о событиях в Европе и мире. Это было немаловажно, поскольку вести о создании коалиций, начале войн, дипломатических переговорах и союзах доходили в изолированные российские колонии в Новом Свете лишь спустя несколько месяцев, а то и лет. Поэтому местной администрации приходилось быть постоянно настороже: неизвестно, с какими намерениями прибудет к российским берегам тот или иной корабль. Для противодействия незванным гостям главный порт колоний и их столица – Ново-Архангельск – был неплохо укреплен. В конце 1810-х гг. его окружала деревянная стена, а в центре поселения на невысоком утесе высилась деревянная цитадель вооруженная 30 орудиями 3–6-фунтового калибра²⁵. Еще одна батарея с 8 пушками была построена для обороны со стороны моря. Гарнизон состоял из рабочих-промышленников, каждый из которых имел как минимум одно ружье. Базировавшиеся в гавани корабли РАК почти все были вооружены несколькими малокалиберными пушками, а некоторыми из них командовали флотские офицеры. Вместе с моряками общее число защитников Ново-Архангельска могло достигать в то время 250 человек. Однако главная задача гарнизона состояла не в обороне от внешнего неприятеля, а в защите поселения от воинственных индейцев-тлинкитов, населявших о. Ситху и другие острова архипелага Александра, а также ближайшее материковое побережье. Вновь побывавший в Ново-Архангельске в 1818 г. на шлюпе “Камчатка” капитан 2-го ранга В.М. Головнин считал, что сил крепости вполне достаточно для отражения возможного нападения индейцев, но перед атакой фрегата она не устоит²⁶. При этом знаменитый капитан забыл упомянуть о природной защите столицы русских колоний: Ситхинский залив полон островков, мелей, рифов, так что подход к Ново-Архангельску был достаточно затруднен, особенно из-за частых густых туманов и штормов. Посетивший в 1864 г. Ново-Архангельск будущий адмирал С.О. Макаров отмечал в своем дневнике, что имелось только три прохода на ситхинский рейд, причем средний из них был наиболее узок и опасен²⁷. Поэтому просто подойти и обстрелять русскую крепость вражескому кораблю было не так просто, как могло показаться.

Впрочем, после наполеоновских войн в Европе наступило затишье, и для Русской Америки внешняя угроза была снята с повестки дня. Исключение составлял разве что маленький российский анклав в испанской Калифорнии – Форт-Росс, основанный в 1812 г. к северу от залива Сан-Франциско. С середины 1810-х годов местные испанские власти настойчиво требовали ликвидировать это укрепленное поселение. Однако служащие РАК обосновывали свое пребывание в Форт-Россе тем, что, во-первых, испанцы здесь до того никогда не жили, а потому русские “законно” купили место под поселение у кочевавших там независимых индейцев; во-вторых, протестуя против существования Форт-Росса, испанцы совершенно не препятствовали появлению американской фактории на р. Колумбия, которое те устроили совершенно без ведома мадридского двора²⁸. Главное правление (ГП) РАК доносило управляющему МИД К.В. Нессельроде в январе 1820 г. о проблеме Росса: “Гишпанское правительство Новой Калифорнии настоятельно требует уничтожения той оседлости и удаления русских людей, почитая земли, под оную занятые, и даже все берега Нового Альбиона принадлежащими гишпанской ко-

²⁴ См. подробнее: *Gibson J.R. Imperial Russia in Frontier America. The Changing Geography of Supply of Russian America, 1784–1867.* New York, 1976.

²⁵ *Хлебников К.Т. Русская Америка в “Записках” Кирилла Хлебникова: Ново-Архангельск. М., 1985, с. 149–150.*

²⁶ *Головнин В.М. Указ. соч., с. 334.*

²⁷ Российский государственный архив Военно-морского флота, ф. 17, оп. 1, д. 261, л. 87.

²⁸ *Россия и Мексика в первой половине XIX в. (совместный советско-мексиканский сборник документов). М., 1989, с. 40–41.*

роне по первооткрытию Америки Колумбом и, может быть, до сих пор употребило бы насильственные меры, если бы в состоянии было оные произвести”²⁹.

Действительно, испанцы в Верхней Калифорнии (Новом Альбионе) не располагали серьезными военными силами, а их крепости порой даже не имели достаточно пороха для салюта приходящим кораблям. В то же время Форт-Росс имел деревянные стены, две башни на противоположных концах укрепления, вооруженных малокалиберными пушками; кроме того, еще несколько орудий на полевых лафетах находились внутри ограды. Побывавший в русской крепости еще летом 1814 г. испанский прапорщик Г. Морага отмечал ее немалые оборонительные возможности³⁰. Подобные укрепленные фактории или “редуты” РАК имела на Аляске. Гарнизоны таких мини-крепостей были вооружены ружьями, пистолетами, тесаками и саблями.

Расположенный на высоком морском берегу, Форт-Росс был фактически неприступен со стороны моря, хотя вполне уязвим для артиллерийского огня со стороны находившейся вблизи него возвышенности. Как бы то ни было, испанские, а затем и мексиканские власти, несмотря на неоднократные требования ликвидировать крепость, и даже некоторые враждебные действия, так ни разу и не решились на открытое нападение на Форт-Росс. И лишь в 1841 г. сами русские продали его мексиканскому гражданину Дж. Суттеру и эвакуировались на Аляску из-за экономической и политической бесперспективности своего калифорнийского поселения³¹.

Возвращаясь к внешней угрозе российским владениям на Аляске, нельзя не сказать об определенном обострении дипломатических отношений России с Великобританией и США в начале 1820-х гг. Царское правительство при активном лоббировании РАК приняло беспрецедентное решение резко раздвинуть на юг (с 55° до 51° с.ш.) территорию Русской Америки и запретить иностранным судам подходить к ее берегам ближе 100 итальянских миль. Соответствующий указ был подписан императором 4(16) сентября 1821 г. Таким способом РАК надеялась удалить торговых конкурентов, скрывавших ценные меха у индейцев Юго-Восточной Аляски, и одновременно пресечь их снабжение огнестрельным оружием и боеприпасами, сделав более безопасными для русских поселений³².

Для обеспечения выполнения сентябрьского указа, правительство направило на Северо-Западное побережье несколько военных судов для крейсерства в южной части архипелага Александра. Им, однако, не удалось задержать ни одного иностранного контрабандиста. Едва ли не единственным положительным результатом пребывания военных кораблей в колониях было укрепление их обороны перед лицом воинственных индейцев, так как никаких реальных военных угроз со стороны иностранных держав в то время не было. Правда, в 1823 г. главный правитель Русской Америки получил сведения, что шкипер одного американского бригаа в проливе Чатам чуть не за бесценку распродавал тлинкитам ружья и порох, внушая им враждебные мысли против русских³³. Но индейцы воздержались тогда от широкомасштабных антирусских выступлений, тем более что вскоре торговля американцев в проливах архипелага Александра возобновилась уже на легальных основаниях. Дело в том, что в апреле 1824 г. царское правительство утвердило конвенцию с США о свободном доступе в российские колонии американских судов. Предпосылкой ее заключения стало сильное давление дипломатии США и Великобритании. Как отмечают исследователи, сентябрьский указ 1821 г. о запрете ино-

²⁹ Там же, с. 38.

³⁰ История Русской Америки (1732–1767), т. 2. Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М., 1999, с. 231.

³¹ История Русской Америки (1732–1767), т. 3. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867). Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М., 1999, с. 221–230.

³² См. подробнее: *Болховитинов Н.Н.* Становление русско-американских отношений, с. 168–182.

³³ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. М., 1982, сер. II, т. 5(13), с. 88.

странным судам подходить ближе 100 миль к берегам тихоокеанских владений империи был равносителен объявлению закрытыми Охотского и Берингова морей, берега которых целиком принадлежали тогда России. Фактически на огромных океанских просторах был введен режим закрытого моря³⁴. Более того, территориальные притязания империи на северо-западном побережье Америки простирались значительно южнее 57° с.ш., где был расположен Ново-Архангельск, ведь вплоть до Калифорнии, где существовала крепость Росс, других русских поселений в этом районе не было. Естественно, что публикация царского указа от 4 сентября 1821 г. вызвала бурный протест деловых кругов и официального Вашингтона, послужив одним из оснований знаменитой “доктрины Монро”, суть которой заключалась в противодействии новым колониальным захватам европейских держав в Новом Свете³⁵. От американцев не отставали и англичане, чьи владения располагались в соседней Канаде.

Перед лицом единого англо-американского “дипломатического фронта” России пришлось отступить. Кроме того, пойти на уступки официальный Петербург заставило отсутствие у него крупных военных сил на Тихом океане. В то время Россия не располагала здесь удобными морскими базами и не имела достаточных ресурсов для снабжения посланных для крейсерства кораблей. По подсчетам морского министерства, снаряжение для кругосветного плавания даже 28-пушечного корвета с целью патрулирования у берегов Русской Америки обходилось казне в 600 тыс. руб.³⁶ Естественно, правительство не желало нести столь значительные расходы ради интересов РАК, формально считавшейся частным предприятием. Кроме того, проблемы европейской политики традиционно доминировали в российском МИДе, в расчет которого не входил конфликт с могущественной Великобританией и дружественными США из-за малонаселенных российских колоний на другом краю света. Да и сама РАК много потеряла от запрета торговли с иностранцами, поскольку наладить регулярное снабжение колоний из Кронштадта не удалось, и в Русской Америке резко обострилось положение с продовольствием.

В результате соглашения с США в 1824 г. были определены международные границы Русской Америки: ее южные рубежи были сдвинуты к северу до 54° 40' с.ш. (вместо 51°), а американские торговцы и китобои получили на 10 лет право беспрепятственного доступа в территориальные воды Русской Америки для промыслов и торговли с местными жителями. При этом под запрет попадала продажа спиртных напитков и огнестрельного оружия. Но соответствующая статья конвенции носила чисто формальный характер, так как корабли морских торговцев не подлежали досмотру и задержанию даже в случае продажи запрещенных товаров: об этом следовало доносить правительству, которое на дипломатическом уровне могло требовать наложения штрафа на провинившихся. Единственное ограничение состояло в том, что американцам было позволено приставать вблизи русских поселений в Америке только с разрешения местного начальства³⁷, однако, эта статья мало что меняла по сути, поскольку таких поселений было ничтожно мало.

В феврале 1825 г. была заключена аналогичная англо-русская конвенция³⁸, которая, правда, имела некоторые отличия. Так, она определяла восточную границу между владениями империй в Новом Свете (по хребту береговых Скалистых гор от залива Портленд-Ченнел на юге до 141° з.д.) (ст. 3). Кроме того, англичанам предоставлялось право навечно пользоваться навигацией по рекам, текущим по территории Русской Америки, но имеющим свой исток на британских землях (ст. 4). Фактически речь шла об ограни-

³⁴ Нарочницкий А.Л. Экспансия США на Дальнем Востоке в 50–70-е годы XIX века. – Исторические записки, 1953, т. 44, с. 133.

³⁵ Болховитинов Н.Н. Доктрина Монро: происхождение, характер и эволюция. – Американский экспансионизм. Новое время. М., 1985, с. 49–65.

³⁶ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. РАК, оп. 888, д. 288, л. 327.

³⁷ См.: ПСЗРИ, т. XXXIX, с. 251–243.

³⁸ ПСЗРИ, т. XL, с. 72–74.

чении суверенитета России в собственных колониях, и впоследствии именно эта статья послужила основой для так называемого “Стикинского инцидента” 1834 г. Причем британский МИД, добившийся от Петербурга значительных уступок в территориальном вопросе, явно защищал интересы мехоторговой Компании Гудзонова залива (КГЗ). Как отмечал американский историк Дж.С. Гэлбрайт, дипломатическая борьба, развернувшаяся вокруг указа 1821 г., велась не просто вокруг границ и свободы мореплавания у берегов Северо-Западной Америки, но в действительности отражала конфликт между РАК и КГЗ за пушные ресурсы еще неосвоенных территорий³⁹.

Ратификация договора 1825 г. окончательно оформила территорию Русской Америки и на некоторое время ослабила остроту англо-русского соперничества в северной части Тихого океана, что проявилось в снижении интенсивности российских и британских исследований в полярных районах⁴⁰. И хотя в начале 1820-х годов никаких враждебных поползновений со стороны США или Великобритании в отношении Русской Америки не последовало, однако руководство РАК приняло меры к усилению обороноспособности колоний. Еще в 1818 г. престарелого А.А. Баранова сменил капитан-лейтенант Л.А. фон Гагемейстер, и с тех пор все главные правители Русской Америки избирались исключительно из офицеров Военно-морского флота, а на судах РАК постоянно служило около 20, а то и более военных матросов. К 1826 г. артиллерийский парк Ново-Архангельска был довольно внушительным и насчитывал 49 чугунных пушек и карронад (короткоствольных орудий), 28 медных пушек и 15 фальконетов (легких пушек), а также 1755 солдатских ружей, карабинов, винтовок и штуцеров, 291 пистолет и много холодного оружия⁴¹. В отличие от предыдущего периода, на укреплениях города стояли уже крупнокалиберные карронады от 12–24-фунтового калибра, способные нанести тяжелые повреждения даже крупному военному кораблю. Тем не менее, по мнению главы Новоархангельской конторы РАК К. Т. Хлебникова, во время войны с европейской державой Ново-Архангельск не выстоял бы, так как нападение на него военных судов было бы поддержано атакой со стороны суши враждебных тлинкитов. Из-за индейской угрозы в городе постоянно царил полувоенный порядок, на ключевых постах стояли часовые, пушки были заряжены картечью, и каждый человек в крепости знал свое место в случае военной тревоги⁴².

Одним из действенных способов поддержания с тлинкитами мирных отношений была взаимовыгодная торговля, которая давала индейцам европейские и китайские товары, а русским – ценную пушнину. В приобретении последней была заинтересована и главная конкурентка РАК – Компания Гудзонова залива, всё активнее продвигавшая свои фактории к территории русских колоний в начале 1830-х гг. Эти фактории в комбинации с судами КГЗ смогли бы пресечь утечку мехов из глубин материка на побережье в руки американцев и русских. В соответствии с этой политикой новый торговый пост агенты КГЗ намеревались отстроить на канадской территории в верховьях р. Стикин (Стахин), устье которой находилось в Русской Америке.

Намерения англичан проникнуть в верховья Стикина не были большим секретом для тогдашнего главного правителя колоний капитана 1-го ранга барона Ф.П. Врангеля. Его тревожили такие перспективы, тем более что Российско-Американская компания не могла успешно конкурировать с КГЗ в торговле с независимыми индейскими племенами Северо-Западного побережья. Ее товары были более низкого качества, а транспортные издержки в 2–3 раза выше, чем у англичан⁴³. Пытаясь блокировать торговых соперников, Врангель распорядился в 1833 г. выстроить в устье Стикина укрепленный Дионисиевский редут. Это было сделано весьма своевременно. Уже 18 июня 1834 г. у

³⁹ Galbraith J.S. The Hudson's Bay Company as an Imperial Factor, 1821–1869. Berkeley – Los Angeles, 1957, p. 120.

⁴⁰ Пасецкий В.М. Арктические путешествия россиян. М., 1974. с. 117, 124.

⁴¹ Хлебников К.Т. Русская Америка... с. 180.

⁴² Там же, с. 184–188.

⁴³ Gibson J.R. Op. cit., p. 200.

русского укрепления появилось судно КГЗ “Дриад”, на котором находился отряд англичан во главе с П.С. Огденом, целью которых было основание в верховьях Стикина новой британской фактории. Находившийся в это время у редута на 14-пушечном бригае РАК “Чичагов” лейтенант Д.Ф. Зарембо запретил, однако, англичанам плыть вверх по реке, ссылаясь на инструкцию Врангеля и 2-ю статью англо-русской Конвенции 1825 г., в которой говорилось о запрете приставать вблизи русских поселений в Америке без разрешения местного начальства. Агенты КГЗ впоследствии утверждали, что Зарембо якобы угрожал в случае неповиновения силой остановить их продвижение по Стикину. Местные тлинкиты в этом конфликте приняли сторону русских: они хорошо представляли себе последствия основания британской фактории в верховьях реки, что подорвало бы их посредническую торговлю с внутриматериковыми племенами. Перед лицом коалиции русских и тлинкитов Огдену пришлось ретироваться. Последовавшие затем осенью 1834 г. переговоры между ним и Врангелем также оказались безрезультатными⁴⁴.

Ничего не добившись в переговорах с русской колониальной администрацией, агенты КГЗ направили жалобу в Лондон на противоправные действия служащих РАК, одновременно требуя возмещения своих убытков от срыва экспедиции на Стикин в размере 22 150 ф. ст. (около 135 тыс. руб.). Директоры КГЗ тут же обратились за поддержкой британский МИД, а тот, в свою очередь, выразил свой протест Петербургу по поводу Стикинского инцидента. В результате весьма непростые в те годы англо-русские отношения обострились еще больше, что сопровождалось бурной русофобской кампанией в британской прессе. Американский посланник в Лондоне доносил в Вашингтон, что инцидент в далекой Северо-Западной Америке может стать поводом для войны между двумя державами из-за Босфора и турецких владений. Однако английское правительство не хотело в то время идти на риск войны с Россией и предпочло жёсткий дипломатический нажим на российский МИД с целью добиться от РАК денежной компенсации КГЗ за понесенные ею убытки и принятия мер для предотвращения инцидентов, подобных стикинскому, на будущее время⁴⁵.

Тем временем администрация Русской Америки для противоборства британской экспансии и для пресечения иностранной торговли в южных проливах архипелага Александра ежегодно посылало в этот район хорошо вооруженные суда РАК. Во время летней навигации в проливах они базировались в Дионисиевском редуте или во временном посту в заливе Тонгасс у самых южных рубежей Русской Америки. В 1836 г. отсюда после настоятельных требований русских было выдворено судно КГЗ “Лама”⁴⁶. Кроме того, оборона Ново-Архангельска была усилена четырьмя тяжелыми бомбическими орудиями⁴⁷. Со своей стороны англичане не удовлетворились одними дипломатическими демаршами. В 1836 г. на Северо-Западное побережье для гидрографических исследований и сбора данных о русских колониях в Америке отправился британский военный шлюп “Сальфур” под командованием капитана Эдварда Бельчера в сопровождении шхуны “Стерлинг”⁴⁸. Изучая побережье Аляски, Бельчер дважды побывал в Ново-Архангельске (в 1837 и 1839 г.), а также посетил другие российские поселения в Америке, включая и селение Росс в Калифорнии. Хотя он и не заметил никаких военных приготовлений в Русской Америке, ему не удалось полностью опровергнуть невероятный слух о том, что русские, несмотря на конвенцию 1825 г., возобновили свою экспансию вдоль побережья на юг из огромного поселения в заливе Нутка на о. Ванкувер. Этот

⁴⁴ АВПРИ, ф. РАК, оп. 1, д. 351, л. 30 об.–31, 46–47.

⁴⁵ *Barratt G. Russian Shadows on the British Northwest Coast of North America, 1810–1890. Vancouver, 1983, p. 30–31, 35.*

⁴⁶ *Rich E.E. Hudson's Bay Company 1670–1870. Toronto, 1960, p. 642.*

⁴⁷ Архив Русского Географического общества, разр. 99, оп. 1, д. 79, л. 4.

⁴⁸ См.: *Belcher E. H.M.S. Sulphur on the Northwest and California Coasts, 1837 and 1838. The Accounts of Captain Edward Belcher and Midshipman Francis Guillemard Simpkinson. Kingston, Ontario, 1979.*

нелепый слух циркулировал в британских владениях вплоть до 1841 г.⁴⁹ Много об этом писала в те годы и английская пресса. В ней российские колонии на Аляске представлялись военизированными поселениями, а Ново-Архангельск – мощной крепостью, гнездом русского милитаризма на Северо-Западном побережье. В британских газетах упоминалось даже о намерении русских захватить залив Сан-Франциско в Калифорнии⁵⁰.

Между тем длительные англо-русские переговоры на официальном уровне, а также между представителями КГЗ и РАК наконец увенчались успехом: соглашение между компаниями было заключено в Гамбурге 25 января (6 февраля) 1839 г. Оно включало в себя следующие положения: Компания Гудзонова залива получала от РАК в аренду на 10-летний срок (начиная с 1 июня 1840 г.) всю материковую полосу российских владений в Америке от залива Портленд (54° 40' с.ш.) на юге до мыса Спенсер (58° с.ш.) на севере вместе с Дионисиевским редутом за ежегодную плату в 2000 выдровых шукурок, что составляло приблизительно 118 000 руб. (ст. 1). При этом РАК должна была воздерживаться от торговли с индейцами британских владений и арендной полосы, а КГЗ, в свою очередь, от приобретения мехов у туземцев русских территорий (ст. 2). В 4-й статье соглашения говорилось о поставках в Русскую Америку продовольствия со стороны Компании Гудзонова залива по фиксированным ценам. Особые условия были прописаны в 7-й и 8-й статьях соглашения, а именно: если в течение срока действия контракта началась бы война между Великобританией и Россией, то обе компании продолжили бы свои сделки “точно так, как бы оба народа находились в дружественных отношениях” (как говорится, бизнес превыше всего). Кроме того, РАК брала на себя обязательство “протезировать и покровительствовать” Компании Гудзонова залива в районе арендуемой полосы материка, а в случае войны ручалась за безопасность ее служащих и имущества: КГЗ давалось три месяца для их эвакуации с арендной территории. В 9-й статье указывалось, что Компания Гудзонова залива в результате заключения этого соглашения отказывалась от своего иска к РАК по поводу Стикинского инцидента 1834 г.⁵¹

Соглашение 1839 г. оказало заметное влияние на дальнейшую историю Русской Америки. Контракт с КГЗ о поставках продовольствия позволил РАК отказаться от сотрудничества с американскими морскими торговцами и от своего селения Росс в Калифорнии, которое не оправдало возлагавшихся на него надежд в обеспечении сельскохозяйственными продуктами русских колоний на Аляске⁵².

Еще более фундаментальную роль сыграло соглашение о взаимном нейтралитете владений обеих компаний в период Крымской войны. Уже к концу 1853 г. руководство РАК ясно представляло себе неминуемость перерастания русско-турецкой войны в войну с Великобританией и Францией. Визит в августе 1853 г. в Ново-Архангельск британского фрегата “Тринкомали” и воинственные статьи в английской прессе не могли не настроить колониальную администрацию и Главное правление РАК в Петербурге. В секретной записке директоров компании от 14 января 1854 г. довольно трезво оценивалась складывавшаяся обстановка. По мнению директоров, столица колоний – Ново-Архангельск – располагал достаточными силами и средствами, чтобы отбить нападение нескольких мелких военных судов или вражеских каперов, однако оказать серьезного сопротивления крупной неприятельской эскадре он был не в состоянии. Что касается остальных редутов и факторий компании в Америке, то они были мало известны иностранным морякам, да и из-за своей незначительности вряд ли могли привлечь внимание британского или французского флота. Исходя из этого, Главное правление постано-

⁴⁹ *Barratt G. Op. cit.*, p. 32.

⁵⁰ См., например: Окончательное обозрение северных берегов Америки П.В. Дизом и Т. Симпсоном, летом и осенью 1837 г. – Сын Отечества. 1839, т. VII, с. 104–105.

⁵¹ Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1841–1867, с. 375–378.

⁵² История Русской Америки (1732–1767), т. 3, с. 221–230; Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815–1841, с. 380–383.

вило: 1) привести порт Ново-Архангельска в оборонительное положение для отражения атак небольших вражеских кораблей; 2) отложить посылку в колонии кругосветных экспедиций; 3) рассредоточить суда колониальной флотилии в различных местах, а не держать их в Ново-Архангельске, где они могли быть легко захвачены неприятельской эскадрой; 4) наиболее ценное имущество и запасы компании вывезти из столицы российских колоний и распределить по селениям и редутам Кадьякского отдела⁵³. Соответствующие инструкции от 14(26) января 1854 г. были посланы главному правителю Русской Америки капитану 1-го ранга С.В. Воеводскому⁵⁴.

Одновременно Главное правление РАК предприняло энергичные шаги на дипломатическом фронте, стремясь посредством заключения сепаратного договора с Компанией Гудзонова залива добиться нейтралитета колоний в ходе предстоящей войны, тем более что соответствующая статья по этому вопросу была включена в текст пролонгированного арендного соглашения между РАК и КГЗ, заключенного в 1849 г. Директора Российско-Американской компании надеялись, что их предложение найдет отклик у руководства КГЗ. Дело в том, что фактории и суда Компании Гудзонова залива на Северо-Западном побережье в целом заметно уступали в военном отношении потенциалу русских колоний на Аляске. Поэтому у директоров британской компании было не меньше оснований опасаться за свои владения, чем у ГП РАК за судьбу Русской Америки перед лицом британского флота. И действительно, главный правитель КГЗ Дж. Симпсон считал безумием втягивание в войну обеих компаний. Он опасался, что хорошо вооруженные суда РАК уничтожат пароходы и форты Компании Гудзонова залива на тихоокеанском побережье. Кроме того, в боевые действия могли быть втянуты воинственные индейские племена, в результате чего пушная торговля надолго пришла бы в упадок⁵⁵. Справедливость этого замечания была доказана в 1852 г., когда отряд чилкатских тлинкитов разорил факторию КГЗ Форт-Селкирк в бассейне Юкона. Впрочем, страхи руководства КГЗ были напрасны: ни ГП РАК, ни колониальное начальство не планировали атак на британские владения или торговый флот.

Так или иначе, в нейтралитете были заинтересованы и РАК, и КГЗ, равно как и царское правительство, которому и без Аляски хватало проблем на Балканах и Кавказе. Поэтому когда ГП РАК в январе 1854 г. обратилось за официальным разрешением начать переговоры с англичанами о заключении сепаратного пакта о нейтралитете, то санкция царя была получена очень быстро. Главное правление, не теряя времени, направило соответствующее письмо от 2(14) февраля 1854 г. к директорам КГЗ⁵⁶. В ходе переговоров ранней весной 1854 г. представителям РАК удалось убедить британскую сторону, что ни Ново-Архангельск, ни другие порты Русской Америки не будут использоваться как базы для крейсеров российского Военно-морского флота или рейдеров самой компании для нападения на английские торговые суда в Тихом океане⁵⁷. Положительный ответ англичан не замедлил последовать: 22 марта британское правительство, идя навстречу пожеланиям КГЗ, одобрило заключение соглашения между двумя компаниями при условии, что оно будет касаться только территориальных владений в Америке и его действие не будет распространяться на открытое море и азиатские фактории РАК⁵⁸.

Сообщение о заключении пакта о нейтралитете достигло русских и британских колоний с опозданием на несколько месяцев, когда там уже знали о начале военных действий между двумя державами. Весть о войне вызвала глубокую тревогу в английских владениях: губернатор Дж. Дуглас на острове Ванкувер предлагал даже вооружить наиболее лояльных из местных индейцев для отражения предполагаемого десанта русских.

⁵³ Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1841–1867, с. 268–270.

⁵⁴ АВПРИ, ф. РАК, оп. 888, д. 392, л. 7–8 об.

⁵⁵ *Galbraith J.S.* Op. cit., p. 163–165.

⁵⁶ *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски, с. 93–95.

⁵⁷ АВПРИ, ф. РАК, оп. 888, д. 392, л. 17 об.–18.

⁵⁸ *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски, с. 95.

Нервозность англичан усиливали слухи о русских крейсерах-рейдерах, якобы появившихся у берегов Калифорнии⁵⁹. Дело в том, что российский посланник в Вашингтоне Э.А. Стекло и российский вице-консул в Калифорнии П.С. Костромитинов надеялись оказать сильное противодействие англо-французскому флоту на Тихом океане путем мобилизации в Сан-Франциско каперских судов, снаряженных на деньги царского правительства. На эти цели предполагалось истратить около 2 млн. долл. и вооружить 6–8 каперских кораблей для атак торговых судов союзников. Но эта акция успеха не имела: незадолго до того в Сан-Франциско при выполнении аналогичной миссии был даже арестован мексиканский консул, пытавшийся по поручению президента Санта-Анны сформировать здесь каперскую эскадру⁶⁰. А после получения достоверных сведений о заключении пакта о взаимном нейтралитете владений РАК и КГЗ, любые акции в этом направлении были совершенно исключены.

Излишне говорить, что обе компании остались довольны соглашением о нейтралитете, особенно РАК, что отмечалось как в документах компаний, так и в современных исследованиях. Правда, пакт о ненападении хотя и отвел угрозу от российских колоний в начале войны, но не обезопасил суда компании, находившиеся в то время в открытом море. Некоторым кораблям РАК удалось укрыться от английских крейсеров в нейтральных портах, но союзникам всё же удалось в августе 1854 г. на подходе к Петропавловску захватить крупный клипер “Ситха”⁶¹. В поисках русских военных кораблей эскадра союзников рыскала по всей северной акватории Тихого океана и в конце июня 1855 г. прибыла к берегам колоний. 2 июля на внешнем рейде Ново-Архангельска появился английский паровой фрегат “Бриск” с российским вице-адмиральским флагом, поднятым для маскировки на фок-мачте. Таким нехитрым приемом англичане пытались усыпить бдительность моряков на русских военных судах, оказавшись те в гавани Ново-Архангельска. Навстречу британскому фрегату отправился в шлюпку секретарь главного правителя колоний и после переговоров с командующими союзной эскадрой английским контр-адмиралом Г.У. Брюсом и французским М. Фуришоном сумел убедить их в отсутствии в порту русских военных кораблей. Незваные гости вели себя вполне корректно и, вручив посланнику главного правителя несколько номеров английских газет с последними новостями о ходе войны, отбыли обратно в море⁶². Здесь можно отметить одну деталь: у русских был пакт о ненападении с британцами, но он ни к чему не обязывал французского адмирала, который всё же не стал предпринимать в отношении Ново-Архангельска никаких враждебных действий.

Тем не менее именно в 1855 г. город подвергся нападению, однако еще до визита эскадры союзников: в апреле крепость атаковали местные тлинкиты, но были отбиты ружейно-артиллерийским огнем и, потеряв от 50 до 80 человек, запросили мира (со стороны русских погибло 7 и получило ранения более 10 человек). Успешному отражению атаки в немалой степени способствовало наличие в гарнизоне крепости сотни солдат сибирских линейных батальонов, переброшенных в 1854 г. для усиления обороны Ново-Архангельска. Еще одна сотня рядовых во главе с пехотными офицерами была прислана в колонии в 1857 г. уже после окончания Крымской войны для нейтрализации новых враждебных акций со стороны индейцев⁶³.

В целом же российские колонии в Америке почти не пострадали во время Крымской войны из-за действий союзников. Определенную проблему составило лишь снабжение Русской Америки европейскими товарами и продовольствием, но и она была

⁵⁹ *Barratt G.* Op. cit., p. 44–46.

⁶⁰ *Окунь С.Б.* К истории продажи русских колоний в Америке. – Исторические записки, 1938, т. 2, с. 213; *Пonomарёв В.Н.* Крымская война и русско-американские отношения. М., 1993, с. 127–133.

⁶¹ Отчет Российско-Американской компании Главного правления за 1854 и 1855. СПб., 1856, с. 46–47.

⁶² Российско-Американская компания..., с. 297.

⁶³ История Русской Америки (1732–1767), т. 3, с. 333–338.

решена за счет поставок при помощи судов под нейтральным флагом США. В то же время угроза, нависшая над заокеанскими владениями России в начале войны, их отдаленность и уязвимость заставили царское правительство впервые всерьез задуматься о перспективах сохранения Русской Америки в составе империи. Большую активность в этом вопросе проявлял глава Морского министерства генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, чьей стратегической целью стало избавление империи от Русской Америки⁶⁴. В письмах к министру иностранных дел А.М. Горчакову от 22 марта (3 апреля) и 7(21) декабря 1857 г. он предлагал продать колонии США, которые, как полагал Константин, в противном случае захватят их силой⁶⁵. Позднее в послании министру финансов А.М. Княжевичу великий князь прямо указывал: “Эта мера казалась мне тем более нужною, что в случае войны с морской державой мы не в состоянии защитить наших колоний”⁶⁶.

Однако попытки Константина форсировать процесс продажи колоний не привели к успеху: было решено лишь осторожно прозондировать в Вашингтоне этот вопрос, а между тем отправить в колонии правительственных ревизоров с целью получения наиболее объективной картины, включая оборонный аспект. В 1860–1861 гг. правительственные ревизоры – действительный статский советник С.А. Костликов от Министерства финансов и капитан-лейтенант П.Н. Головин от Морского ведомства – посетили Русскую Америку и по результатам своей инспекционной поездки составили пространный отчет. В нем оборонительный потенциал колоний признавался далеко недостаточным и намечался ряд мер по решению этой проблемы путем учреждения постоянного военного крейсерства⁶⁷.

Актуальность этого предложения была вскоре подтверждена на практике, когда в начале 1862 г. в Британской Колумбии разнесся слух о золотых россыпях, обнаруженных в верховьях Стикина, устье которого располагалось на русской территории (арендованной в это время КГЗ). Появление в этом районе нескольких сот иностранных старателей встревожило администрацию Русской Америки, тем более что в газетах британских колоний публиковались весьма воинственные статьи, авторы которых недвусмысленно заявляли о необходимости аннексировать арендованную у РАК полосу материка⁶⁸.

Колониальное начальство, скованное предписанием царского правительства избегать каких-либо открытых столкновений с иностранцами, просило прислать на Аляску военное судно для защиты интересов РАК. Необходимость этого была также продиктована тем, что между местными тлинкитами и золотоискателями время от времени вспыхивали серьезные конфликты. Индейцы, умудренные опытом негласного англо-русского соперничества, нисколько не смущаясь объясняли случившиеся грабежи и убийства иностранных старателей приказом, исходившим якобы от главного правителя российских колоний. Для предотвращения новых беспорядков летом 1863 г. к устью Стикина по согласованию между русскими и британскими колониальными властями был направлен вооруженный пароход РАК “Александр II” и английский военный шлюп “Девостэйшен”⁶⁹. Но их вмешательства не потребовалось: к этому времени стикинская “золотая лихорадка” уже закончилась из-за незначительности месторождений золота, а вместе с этим исчезла и гипотетическая угроза аннексии части российских колоний.

⁶⁴ См. подробнее: *Гринёв А.В. Великий князь...*, с. 157–179.

⁶⁵ *Российско-Американская компания...*, с. 314, 320–321.

⁶⁶ Там же, с. 333.

⁶⁷ Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб., 1863, с. 170–171, 243–254; Приложения к докладу Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб., 1863, с. 68–69, 108–109, 173, 186–187 и др.

⁶⁸ АВПРИ, ф. Гл. Архив 1–9, 1862–1863 гг., оп. 8, д. 9, л. 4–4 об., 14–15 об.; *Records of the Russian-American Company, Records of the Former Russian Agencies, Record Group 261, National Archives and Record Administration (NARA RRAC), roll. 64, p. 79–80, 88–91.*

⁶⁹ NARA RRAC, roll. 64, p. 91–92; *Barratt G. Op. cit.*, p. 65.

Тем не менее опасность столкновения с британцами была достаточно реальной, поскольку взаимоотношения двух сторон значительно обострились из-за восстания в Польше (1863–1864 гг.), на подавление которого были брошены царские войска, что вызвало негативную реакцию общественного мнения и правительств в ряде стран Западной Европы и в первую очередь Англии и Франции. Перед лицом возможного военного конфликта царское правительство направило крейсерскую эскадру под командованием контр-адмирала А.А. Попова в Тихий океан, которой в случае войны надлежало парализовать торговое судоходство Великобритании и ее союзницы (еще одна эскадра была послана в Атлантику)⁷⁰. Однако Великобритания и Франция так и не решились начать полномасштабную войну из-за польского вопроса с Россией, тем более что Франция уже оказалась напрямую втянута в войну с Мексикой. У Англии, в свою очередь, были очень напряженные отношения с Вашингтоном из-за поддержки конфедератов в ходе бушевавшей в США Гражданской войны. В ее ходе произошло наиболее тесное сближение между Россией и США в противостоянии англо-французскому блоку. Своего апогея дружественные отношения достигли в 1866 г. уже после окончания Гражданской войны, в ходе военно-морской экспедиции заместителя военно-морского министра США Г.В. Фокса в Россию⁷¹.

С этого момента внешняя безопасность Русской Америки была обеспечена как минимум на 10 лет: с американцами сложились почти союзнические отношения, в то время как Британия всерьез опасалась за безопасность Канады перед лицом враждебных США, предъявивших англичанам иски в связи с вооружением морских рейдеров для конфедератов. В это же время перед Францией маячила угроза войны с Пруссией. Других потенциально опасных противников, способных напасть на ее американские владения, у России не было. И тем не менее она уступила их Соединенным Штатам. Причем одним из важнейших аргументов в пользу продажи колоний выступал именно “военный фактор”, т.е. полная их беззащитность перед лицом внешней угрозы. Эта тема нашла отражение в официальных документах, исходивших от высших должностных лиц Российской империи. Так, в записке министра финансов М.Х. Рейтерна от 2(14) декабря 1866 г. (накануне рокового решения об уступке Аляски) говорилось: “Передача колоний Соединенным Штатам мне кажется особенно желательной в политическом отношении, ибо, с одной стороны, она избавит нас от владения, которого, – в случае войны с одной из морских держав, – мы не имеем возможности защищать, а с другой – в случае предполагаемой передачи Соединенные Штаты станут соседями английских колоний не только с юга, но и северо-запада, что, по моему мнению, не может не иметь последствием упрочение дружелюбных наших отношений с Соединенными Штатами и увеличение выраженных несогласий этих Штатов с Англией”⁷². Ему вторил управляющий морским министерством вице-адмирал Н.К. Краббе в письме главе МИД А.М. Горчакову от 7(19) декабря 1866 г.: “Уступка этих отдаленных колоний, не приносящих нам и не могущих принести пользы, не имеющих никакой существенной связи с Россией и которых мы не можем в случае нужды защитить, удовлетворила бы требованиям предусмотрительности и благоразумия”⁷³. Наконец, сам Горчаков тогда же указывал, что “в политическом отношении положение наших колоний едва ли более благополучно. Средства обороны недостаточны для защиты их даже от американских флибустьеров (контрабандистов. – А.Г.) ... В случае войны наши колонии будут зависеть от милости любой враждебной державы”⁷⁴.

⁷⁰ *Болховитинов Н.Н.* Русские эскадры в США в 1863–1864 гг. – Новая и новейшая история. 1996, № 1, с. 195–216.

⁷¹ Американское посольство в России в 1866 г. Сост. В.В. Тимошук. – Русская старина, 1887, № 1, с. 47–75.

⁷² Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1841–1867, с. 398.

⁷³ Там же, с. 399.

⁷⁴ *Miller D.H.* Op. cit., p. 60; *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски, с. 193.

Эти высказывания, по нашему убеждению, совершенно необоснованны. Бросить вызов Российской империи и захватить ее американские колонии потенциально могли только три страны: Великобритания, США и Франция. Военно-морские силы других стран не представляли серьезной угрозы и в случае войны были бы нейтрализованы или разгромлены российским флотом. Международные границы Русской Америки были признаны Великобританией и США еще в 1824–1825 гг. Избежать военного захвата Аляски можно было путем поддержания мирных отношений с указанными великими державами. Кроме того, по верному замечанию Н.Э. Сола, в случае войны на море русские владения на Аляске были уязвимы не в большей степени, чем Камчатка или иные части сибирского побережья⁷⁵.

Сами по себе российские колонии также нельзя было назвать совершенно беззащитными: на крепостных башнях и батареях столицы Русской Америки – Ново-Архангельска – стояло несколько десятков орудий, включая даже тяжелые бомбические пушки, способные за несколько минут отправить на дно небольшой военный корабль. В гарнизоне Ново-Архангельска с 1854 г. постоянно находилось от 80 до 200 солдат и офицеров регулярных войск и около двух десятков военных матросов. Почти все суда РАК были вооружены пушками, а многие из них состояли под командой офицеров ВМФ. В случае войны на Тихом океане эти корабли при умелом и решительном руководстве могли нанести определенный урон торговому флоту враждебной страны. Это наглядно продемонстрировал крейсер конфедератов “Шенандоа” в ходе своего рейда по Тихоокеанскому Северу в 1865 г., во время которого он уничтожил и захватил 22 китобойных судна США⁷⁶. Поэтому утверждения ряда высших должностных лиц Российской империи о военной угрозе и полной беззащитности колоний в случае войны с *любой* морской державой представляются умышленной фальсификацией для оправдания их добровольной уступки. И тем не менее, подобные утверждения породили в дальнейшем миф, получивший широкое распространение в отечественной и зарубежной историографии.

На самом деле, по нашему мнению, постоянной угрозы российским колониям не было. Опасность иностранного вторжения угрожала им лишь в отдельные незначительные периоды военных конфликтов России с европейскими державами: во время русско-шведской войны (1788–1790), в эпоху наполеоновских войн (1799–1801 и 1807–1812) и крымской кампании (1853–1856). Главный международный конкурент России в середине XIX в., Великобритания, вовсе не намеревалась идти на противоборство с ней ради Русской Америки, в гораздо большей степени опасаясь американской экспансии в отношении Канады⁷⁷. Что же касается Соединенных Штатов, то в это время их внимание привлекала не столько далекая Аляска, сколько Куба и Центральная Америка⁷⁸. Кроме того, США еще не оправались от последствий Гражданской войны.

Поэтому тезис о военной опасности для колоний со стороны американцев, не без успеха эксплуатировавшийся в первую очередь вел. кн. Константином и другими государственными деятелями, представляется явно надуманным. Главу морского министерства в данном случае нетрудно понять – ведь в случае серьезного конфликта ответственность за гибель или отторжение колоний неминуемо легла бы на его ведомство и тем самым лично на него⁷⁹. Поэтому, избавившись от заокеанских владений, Константин Николаевич обеспечивал себе более спокойное будущее. По сходной причине на продаже колоний настаивал и царский посланник в Вашингтоне Э.А. Стеклъ: проникновение американских китобоев и контрабандистов в территориальные воды Русской Америки

⁷⁵ *Saul N.E.* Distant Friends: The United States and Russia, 1763–1867. Lawrence, 1991, p. 392.

⁷⁶ *Gilbert B.F.* The Confederate Raider Shenandoah. – Alaska and Its History. Seattle – London, 1967, p. 189–207.

⁷⁷ *Mazour A.G.* Prelude to Russia’s Departure from America. – Alaska and Its History, p. 162; *Barratt G.* Op. cit., p. 53 и др.

⁷⁸ *Saul N.E.* Op. cit., p. 390.

⁷⁹ *Mazour A.G.* Op. cit., p. 163–164; *Gibson J.R.* The Sale of Russian America to the United States. – Acta Slavica Japonica. 1983. v. I, p. 24 и др.

порождало жалобы со стороны РАК, что заставляло посланника входить в неприятные переговоры с госдепартаментом США и ухудшало дружественные американо-русские отношения⁸⁰.

Однако именно в 1860-х гг. экономическая экспансия граждан США несколько ослабела. Морские торговцы практически исчезли уже к 1840-м годам после истребления калана на Северо-Западном побережье и из-за активного противодействия КГЗ. Китобойный промысел на Тихоокеанском Севере после своего пика в 1850-х годах пошел на убыль, контрабандная торговля с туземцами Аляски перешла в значительной мере в руки английских и немецких коммерсантов, базировавшихся на Гавайских островах, а американские рыболовные и торговые компании пытались легализовать свой бизнес в водах Русской Америки путем формальных договоренностей с императорским правительством и РАК⁸¹.

Со своей стороны защищать экономический суверенитет тихоокеанских владений России царское правительство явно не стремилось. Об этом красноречиво свидетельствует, например, инструкция главы Морского министерства великого князя Константина командирам крейсеров 1853 г.⁸², а также маршруты и задачи русской тихоокеанской эскадры. Таким образом, “военный фактор”, искусственно раздутый генерал-адмиралом, исходившим, на наш взгляд, в первую очередь из ведомственных интересов и геополитических представлений, формально действительно явился одним из основных поводов для уступки Русской Америки. Однако в действительности международная обстановка середины 1860-х годов объективно благоприятствовала безопасности заокеанских колоний России. Казалось, сама судьба хранила Русскую Америку на протяжении десятилетий, но лишь для того, чтобы колонии в целостности и сохранности достались США. Однако надежда царского правительства получить надежного союзника в лице Соединенных Штатов после уступки Аляски и обострить англо-американские противоречия (территория британской Канады оказалась зажатай между владениями США, давно мечтавших об ее аннексии) не оправдались, а сумма, полученная в результате продажи колоний, была совершенно ничтожна по сравнению с потенциальными богатствами уступленной территории.

---

⁸⁰ *Jensen R.J.* The Alaska Purchase and Russian-American Relations. Seattle and London, 1975, p. 14; *Gibson J.R.* The Sale of Russian America, p. 25 и др.

⁸¹ *Jensen R.J.* Op. cit., p. 44–46.

⁸² АВПРИ, ф. РАК, оп. 888, д. 983, л. 13–15 об., см. также: *Пономарёв В.Н.* Крымская война..., с. 38, 143–144.